Алексей Бородин

На берегах утопий

Разговоры о театре

Алексей Бородин

На берегах утопий

Разговоры о театре

издательство АСТ

Москва

УДК 792.2(470)
ББК 85.334.3(2)6
Б83

Автор благодарит Марину Тимашеву за помощь в работе над книгой.

В книге использованы фотографии из архивов автора и РАМТа.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Бородин, Алексей
Б83 На берегах утопий. Разговоры о театре / Алексей Бородин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-17-105067-2

Театральный путь Алексея Владимировича Бородина начинался с роли Ивана-царевича в школьном спектакле в Шанхае. И куда только не заносила его Мельпомена: от Кирова до Рейкьявика! Но главное — РАМТ. Бородин руководит им тридцать семь лет. За это время поменялись общественный строй, герб, флаг, название страны, площади и самого театра. А Российский академический молодежный остается собой, неизменна любовь к нему зрителей всех возрастов, и это личная заслуга автора книги.
Жанры под ее обложкой сосуществуют свободно — как под крышей РАМТа. Воспоминания, запечатлевшие страну от Сталина до Путина, и в то же время — школа театрального искусства. Один из лучших современных режиссеров и педагогов рассказывает, как перевести на язык сцены самые разные материи — от философских парадоксов до повседневного быта. В общем, всю нашу жизнь.

УДК 792.2(470)
ББК 85.334.3(2)6

ISBN 978-5-17-105067-2

© А. Бородин, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Содержание

Каждый раз жить заново 11

Шанхай 15

Только с книгой вы свободны 20

Репатриация 23

Дышу только в пространстве 30

ГИТИС. Театроведческий 33

Школа — надежная защита 39

ГИТИС. Режиссерский 43

Игра с большой буквы 49

ГИТИС. Наставники 53

Мир в пространстве 57

Школа Завадского 61

Вы не понимаете, чем обладаете 67

Москва–Смоленск 71

Профессия патологическая 80

Смоленск–Москва 83

Виновных нет, поверь, виновных нет 88

Москва–Киров 91

Ни под кого не подлаживаться 96

Киров. Команда 101

Сделайте над собою усилие! 105

Киров. Репертуар 109

Особенные миры 113

“Ревизор” 117

Главное мое призвание — родитель 121

Киров. Лаборатория 125

“Театр, расширенный в сторону детства” 130

Киров–Москва 135

Плыву, потому что боюсь утонуть 143

Центральный детский 147

Не люблю читать пьесы 155

“Отверженные”. “Ловушка” 161

Театр — длящееся на глазах время 168

“Баня” 171

Понял, что рискую, только после премьеры 176

ЦДТ за границей 179

Я ради театра на все готов 185

Академический молодежный 187

Платить будут за то, что вы разговариваете 192

“Отелло”. “Береника” 195

Постараться помочь 203

Москва–Исландия 207

Взлетная полоса Станиславского 211

Исландия–Москва 215

Главный интерес 222

“Анна Франк” 225

Уметь сколотить стол 231

РАМТ. Обновление 235

Стряхивать обывательское “я” 239

“Лоренцаччо” 243

Высшее искусство — музыка 247

“Вишневый сад” 249

Бег на длинную дистанцию 255

РАМТ. Акунин 259

Творческая фабрика 265

РАМТ. Стоппард 269

Ассоль должна ждать алые паруса 274

“Берег утопии” 277

Город мастеров 287

РАМТ. Режиссеры 291

Я — хозяин своего внимания 298

“Портрет”. “Алые паруса”. “Кармен” 301

Художественность есть правда 308

Молодые режиссеры. “Чехов-гала” 311

Раскрытие внутренней природы 318

“Участь Электры” 321

Думайте о студентах больше, чем о себе 329

“Нюрнберг” 333

Между порталом и занавесом 340

“Демократия” 343

Сколько себя помню, всегда знал, что должен быть артистом. Даже не стать, а именно быть. Непонятно. Сказали бы, что всю жизнь придется в массовке держать алебарду, я и на это согласился бы.

КАЖДЫЙ РАЗ ЖИТЬ ЗАНОВО

Пусть театр будет натуралистический, классический, визионерский, авангардный — главное, чтобы живой, чтобы в нем был воздух.

Зачем ходить в концертный зал, если можно дома запись послушать? Зачем живой оркестр, пианист, скрипач?

Мы — профессионалы, мы приводим к результату, но каждый раз все должно происходить в данное время. Спектакль — зрелище выверенное, однако не затверженное, а рождающееся на глазах. Только этим отличается театр — чем еще? Кино можно снять, картину написать, музыку — уж на что загадочный вид творчества — сочинить и зафиксировать на нотной бумаге. Но стоит сесть к инструменту Рихтеру… Недавно показали фильм о нем, который сделали французы, и там его последняя фраза: "Я себе не нравлюсь".

Когда я жил в Смоленске, приехал Леонид Коган — великий скрипач, играл технически безупречно, но включался не дальше пуговицы. Обычно он играл предельно эмоционально, а тут просто отрабатывал. Разница между выполненным и живым — колоссальная.

Вот клоуны. Условное искусство? Но у Леонида Енгибарова все было наполнено его личностью плюс к созданному характеру персонажа. Та же история — с Карандашом, которого я видел в детстве. Казалось бы, что

тут необыкновенного: маленький человечек бегал по арене с собакой и делал глупости…

Классический балет, строго говоря, — калька: все исполнители партии повторяют одни и те же движения под одну и ту же музыку. Но отчего тогда перед глазами стоит именно Уланова?

Обозначения, знаки противостоят живому. Настоящий артист, даже если участвует в "знаковой" режиссуре, может внести в нее жизнь, и тогда не придерешься даже к надуманному спектаклю. Чулпан Хаматова иногда просит: "Вы пока на этот спектакль не приходите, в нем еще не все — живое".

Оперных артистов, с которыми я репетировал "Кармен", просил: "Давайте получать энергию друг от друга". Дуэт, трио, ансамбль… "Контакт" — главное слово в театре. Когда устанавливается контакт, возникает то, что помогает музыке звучать. Ноты певец и так споет, их композитор уже написал.

В драматическом театре — та же история. Стоппард на репетиции про кого-то из актеров сказал: "Почему он текст произносит, будто у него ничего другого нет? Текст я уже написал. Я свою работу сделал. Пусть он теперь делает свою".

Искусство наше, театр — кафедра, второй университет.

А еще это энергия, обмен энергиями. Место непосредственного контакта людей, которые понимают, что находятся в равноправных, партнерских отношениях. У нас на спектакле "Отверженные", который шел в два вечера, зрители на второй вечер здоровались с теми, с кем сидели накануне рядом. Но сперва должен возникнуть контакт у актеров на сцене, затем контакт сцены и зала, и наконец, когда эти энергетические поля (сцена–зал) начинают взаимодействовать, образуется новая зрительская общность. Ради этого и существует театр. Внимание актера не должно рас-

сеиваться, но свободное творчество начинается, когда актеры чувствуют, что зал их подхватывает.

Здесь главная составляющая — игра, которая объединяет не на бытовом уровне, а в иной реальности. Театр в высоком смысле слова отрицает статику.

Надо жить заново. Каждый сезон начинать как первый — не тащиться в едином потоке, а обновляться. Я собой постоянно недоволен, особенно если что-то тащу за собой из прошлого. Движение "из вчера в завтра" (как повторял Завадский за Вахтанговым) — состояние, противоположное застою. Стоит себе сказать, что у тебя все нормально и ты многого достиг, как летишь вниз, и снова приходится карабкаться в гору. Каждый день рождения — ты снова родился. Засыпаешь — умираешь, просыпаешься — оживаешь. Это необходимо каждому человеку. Наверное, такая философия похожа на буддизм, но я ее вывел из жизненных наблюдений.

Шанхай

В детстве, еще в Шанхае, я вырезáл фотографии актеров, наклеивал их, собирал программки. Откуда это взялось — не знаю. Своего рода патология. Мой дед Яков Владимирович Бланкман (он умер до моего рождения) был провизором, участвовал в любительских спектаклях. Бабушка рассказывала, как он тащил вещи из дома в театральный кружок.

Я бесконечно показывал дома кукольные спектакли. Ширмы не предполагалось. Я просто садился перед шкафом, водил по нему кукол, то есть обычные игрушки — зайцев и медвежат плюшевых, и не своим голосом вещал то за волка, то за зайца. Текст импровизировал по ходу представления. Родители послушно терпели этот бред минут двадцать. Позже, когда наша семья переехала в Россию, мы устраивали концерты и ставили спектакли. Тут уже я мучил сестер репетициями, ругал их и сам на них обижался.

В школе тоже был самодеятельный театр, я играл Ивана-царевича. На вопрос, хорошо ли у меня получается, кто-то из зрителей выдал честную рецензию: “Ты был деревянным”. Для спектаклей сами шили костюмы. Мамина сестра, тетя моя любимая, с которой мы всегда жили вместе, вышла замуж за шотландца, уезжала из Китая, и, когда мы их проводили, дома бабушка расшивала серебряными длин-

ными бисеринками китель Кая для сцены царства Снежной королевы.

Бабушка Наталья Николаевна Бланкман (Гурбатова) — мамина мама — жила с нами и сильно меня любила. Родом была из забайкальских казаков, которые приехали в Маньчжурию строить КВЖД, поселились там и остались. У нее было девять братьев. Окончила бабушка всего четыре класса, потому что бедность была такая, что буквально не в чем ей было ходить в школу. Но читать она любила. Помню, бабушка брала полное собрание сочинений Островского или Гончарова и читала все тома подряд.

Как-то учитель музыки назначил большое показательное выступление детей для родителей. А я, как на грех, заболел, пропустил занятия и оказался совершенно не готов, то есть не мог участвовать в концерте. По логике бабушки этого никак нельзя было допустить. Она посадила меня к инструменту и велела: "Десять раз сыграешь по нотам, а десять раз без нот". Сама внимательно слушала (хотя к музыке касательства не имела), как я играл, заливаясь горючими слезами. Зато мучение принесло результат: в концерте я выступил. Заодно получил от бабушки жизненный урок, с тех пор у меня поговорка — десять раз по нотам и десять раз без нот.

Игровое начало идет от детства. Для этого возраста оно органично, ведь не может быть детского праздника без игры. Еще по Шанхаю помню родителей в карнавальных колпаках и шарады, в которые играли и взрослые. Такова была органика жизни. И мы эту традицию в семье до сих пор продолжаем.

В пять лет меня отдали в светский французский колледж, а через год перевели в католическую школу Святой Жанны, в это же время моя будущая жена Лёля ходила к монашкам в Школу Святого Сердца. Обучение там велось на английском языке.

Помню, как монахи, подоткнув рясы, играли с нами в футбол. И нравоучительную историю, которую учитель рассказал, про мальчика, попавшего в ад: он однажды солгал, и теперь его за это поджаривают на огне. Дома я этот сюжет пересказал. А папа сказал: “Все. Хватит” — и меня перевели в советскую школу (ее организовали в Шанхае по окончании Второй мировой войны), где возникли другие проблемы — с чистописанием, я до сих пор пишу детским почерком. Мы вместе с Лёлей учились с четвертого по шестой класс, а наши мамы состояли в родительском комитете.

Когда мы жили в Шанхае, в тамошней русской общине (она называлась Общество граждан СССР) культивировались родной язык и литература. Лёлины родители — Митаревские — на общественных началах ведали книжным киоском. При въезде в Советский клуб возле ворот был небольшой особнячок, и там на стеллажах стояли книги и пластинки. А за особнячком находились ресторан, спортивное поле и кинотеатр, в котором мы смотрели “Падение Берлина” и “Кубанских казаков”. Выходили из зала, а вокруг — Китай, и все это совершенно органично сосуществовало.

В моей комнате (в шанхайском буржуазном особняке с семью слугами) на стене висели два плаката. На одном — “Утро нашей Родины” — изображен Сталин на фоне окружающей красоты, а на другом — мальчик в пионерском галстуке останавливает поезд, перед которым враги-диверсанты разобрали рельсы. Смешно, да?

В 49-м году в Китае происходит революция. Вдруг оказалось, что Китай страшно дружит с Советским Союзом, который где-то далеко, а мы, русские, — здесь, близко. Мне и моим товарищам было тогда по десять–двенадцать лет, но нас буквально разрывали на части. Мы, например, принимали парады! Едем на какую-то фабрику, на огромном пространстве выстраиваются две колонны китайцев, машут нам приветственно руками, а мы — им в ответ.

Конечно, и это очень важно для творчества, у нас была мечта — Родина. Само собой разумелось, что мы обязательно там окажемся.

В Советском спортивном клубе (ССК) происходили серьезные взрослые концерты: прекрасно пел друг семьи дядя Коля, а одна дама, как сейчас помню — вся в черном, читала стихи и потом падала за кулисами в обморок.

Когда мне было года четыре, мама взяла меня на "Лебединое озеро". После спектакля повела за кулисы, к знакомой, которая танцевала в этот вечер. И вот мы идем, а балерины ахают: "Ой! Мальчик, сюда нельзя, мы здесь переодеваемся". До сих пор эта сцена в памяти.

По улицам каждый день — от дома до школы и обратно — нас возили на рикшах, правда, с велосипедами.

В нашем кинозале показали фильм "Суворовцы". Он произвел на меня неизгладимое впечатление, такое, что я отказался ехать на рикше и пошел домой пешком (минут двадцать добирался). Поступок! Признаюсь — моей решительности хватило только на один раз.

Когда мне было лет девять, мы играли в шарады: нужно было сперва показать сценку на слово "град", затем — "ус", затем — "Ник" (как имя) и, наконец, слово целиком — градусник. Когда моя группа дошла до отчаяния, потому что никто не мог угадать, вышел вперед я, самый маленький, и произнес заветное слово. На самом деле я случайно подслушал, как наши противники его обсуждали. Вот она — театральная ситуация: на меня смотрят с восторгом, меня превозносят. Вроде я должен радоваться, но, с другой стороны, знаю, что обманул. И сам себя уговариваю, что ничего и не подслушал, а как-то сам догадался.

Лёлин папа привозил со склада новые книги, которыми торговали в киоске в Советском клубе. Родители дежурили там вечерами в порядке общественной работы, а мы — пока взрослые разговаривали — рылись в книгах. Родители в наше

чтение не вмешивались, все строилось на доверии. В том же книжном киоске продавали пластинки, и я слушал записи опер по сто тысяч раз.

Меня лет в семь-восемь спрашивали: “Кем ты будешь?” Я отвечал твердо: “Читателем”. Первое, что я сумел прочитать в пять лет: заглавие к сообщению в газете, что на экраны вышел фильм “Каменный цветок”. Мама с бабушкой вздохнули: “Ну вот, выучился”.

Хорошо помню, какое впечатление произвели “Большие надежды” Диккенса: мне уже девять или десять, читаю почему-то по ночам, становится очень страшно, когда мальчик на кладбище встречает каторжника.

Над тремя книгами я плакал: в восемь лет у мамы на коленях над книгой “Рядовой Александр Матросов”, потом лет в тринадцать — над “Оводом”, а лет в тридцать с лишним в самиздате прочел “Доктора Живаго”. Еще дважды у меня было буквально ощущение, что я подлетел под потолок (иначе не скажешь): первый раз, когда я в самолете на пути в Японию прочитал “Ночевала тучка золотая” Анатолия Приставкина, а второй — когда читал роман Якоба Вассермана “Каспар Хаузер, или Леность сердца”. Там бургомистр говорит: “Я ничего не боюсь, потому что ни на что не надеюсь”. Тут, конечно, нужно знать характер и финал: когда бургомистр умер, лицо его было искажено ужасом. Меня это тогда поразило.

Лет в одиннадцать-двенадцать — был такой момент в жизни — я вдруг перестал читать, и бабушка очень переживала. А потом опять вернулся к книгам. Так с детьми бывает.

ТОЛЬКО С КНИГОЙ ВЫ СВОБОДНЫ

В восьмом классе мы изучали "Онегина", а в десятом — советскую литературу, которая гораздо проще. Это глупо, неправильно. Главные, великие книги для меня — "Братья Карамазовы", "Дэвид Копперфильд", "Сто лет одиночества". Три страницы описания бури у Диккенса в "Дэвиде Копперфильде" — шекспировский темперамент! А как характеры создает, с какой точностью! Когда вышел роман Фолкнера "Шум и ярость", я нырнул в эту книгу как в океан — там очень мощное действенное поле и уникальное многоголосие.

Прозу я читаю обычно не для того, чтобы ее ставить, а просто для того, чтобы читать.

Очень увлекался Брэдбери, Азимовым, Стругацкими (сейчас отчего-то меньше), поставил "Малыша" и "Марсианские хроники". Когда мы в РАМТе репетировали "Берег утопии", театральная столовая напоминала студенческую — актеры друг другу передавали книги: кто Герцена, кто Анненкова… Ставишь "Берег утопии" — обязательно будешь читать то, что с этим связано: "Былое и думы", "Письма из Флоренции", статьи Белинского. В театре нашем много артистов, читающих с утра до ночи. Редько, Исаев, Блохин, Керин — сами читают и мне приносят.

Интереснее работать с людьми, которые что-то знают, с которыми есть о чем поговорить. Все время убеждаю студентов: читайте, смотрите хо-

рошее кино, ходите в театры, в консерваторию — она же рядом. Буквально заставляю пойти в Музей-квартиру Станиславского. Как там хранители радуются студентам! А я их после летних каникул обязательно спрашиваю, что читали, и каждый рассказывает. Кажется, не обманывают, я проверяю — задаю уточняющие вопросы. С одним курсом мы классическую музыку слушали: приносили в аудиторию проигрыватель, свечи зажигали, потом обсуждали.

Сейчас, к сожалению, я меньше стал читать, в основном — то, что нужно для работы. Но стараюсь брать на себя повышенные обязательства: прочитать за лето толстый роман.

Со своими детьми действовал так — брал книгу, которую хотел бы видеть ими прочитанной, и оставлял закладку: прочесть до такой-то страницы. Мне казалось важным, чтобы чтение вошло в привычку. Каждый день они мне отчитывались: "Не дочитал пять страниц" или "Прочел больше". Получалась такая игра.

Летом я им вслух читал, когда отдыхали в Рузе, Плесе или в Мисхоре. С выражением читал, с интонациями, то за волка, то за лису. А пятилетняя дочь Наташа заявляет: "Папа, читай проще". В те же пять лет она просто закатывалась от смеха, когда я читал ей кэрролловскую "Алису" — необыкновенное в этой книге попадание в ребенка, взрослым она не так понятна.

Внук Никита в пятом классе несколько дней читал одну страницу гоголевского "Портрета", полагавшегося по школьной программе. Я предложил: "Давай так: ты мне две страницы вслух читаешь, а две я — тебе". Страшно эту книгу читать, но ведь когда страшно — интересно.

"Короля Матиуша" Януша Корчака уже с помощью электронной книги мы осваивали с моими внуками, сыновьями Володи — Сашей и Мишей, когда отдыхали в Италии. И я заново оценил, что Корчак написал замечательную детскую политологию. А взрослому своему знакомому недавно подарил

книгу, причем искал такую, которая была бы ему интересна. Он изумился: "Зачем книги, когда есть Интернет?" Раньше я с собой чемодан книг в отпуск возил, а теперь можно взять электронную книжечку. Удобно. Я ею пользовался, но потом вернулся к обычным — бумажным.

Хорошо, когда есть контакт между опытным и начинающим читателем. Навязывать детям не нужно, нужно вырабатывать интерес. Сначала интерес к чтению — в первую очередь интерес к сюжету. Неповторимость писателя начинаешь ценить потом.

Во время чтения работает воображение, оно тренирует фантазию. В кино, в театре что-то навязывается, и только с книгой вы свободны.

Репатриация

После китайской революции большой папин лакокрасочный завод, который он основал, который долгие годы поднимал из маленькой мастерской, развивать стало невозможно. Родители окончательно решили перебираться на Родину. В годы войны в патриотическом порыве многие приняли советское гражданство.

Почему мои родители решили после войны возвращаться в Россию? Папа, думаю, поехал бы все-таки в другом направлении — в Европу, Австралию, Канаду. Но мама решила, что дети должны жить на Родине, хотя сама там никогда не была. В доме царил культ всего русского: русские книги, русская музыка… Наша мама сказала: “Дети должны говорить на своем языке”. Она хотела, чтобы дети, то есть мы, думали по-русски. Вот и все. Никаких громких патетических фраз и заявлений о мировой политической ситуации.

Помню, какой был праздник, когда мы получили визу! 1954 год, мама в красном платье, слезы счастья, прием у нас дома по этому случаю.

В 1949 году была большая репатриация в СССР. Острейшее впечатление детства — мы провожаем белый пароход, уходящий в Советский Союз. Многие с радостью туда мчались. Но были и дальновидные люди — они предпочли

США, Канаду или Австралию. Нам в консульстве отсоветовали тогда уезжать: “Куда вы поедете? Пусть дети подрастут”. Какое счастье, что родители тогда их послушали! Всех пассажиров того парохода отправили прямиком в лагеря, многие сгинули навсегда. Мы, слава тебе Господи, уехали в 1954-м.

Последней станцией перед границей по пути на Родину была Маньчжурия, а первой советской — станция с говорящим названием “Отпор”. Она сразу дала полный отпор многим ожиданиям родителей, и мама с папой о чем-то чуть возбужденно разговаривали. Но я никогда не слышал от них, чтобы они о переезде жалели. В этом была сильнейшая стойкость — все принимать как есть. Мы с сестрами, кажется, переняли это качество у родителей.

В ожидании следующего поезда мы — мама, папа, бабушка Наталья Николаевна и четверо детей — проводили время вокруг станции, на перроне и в огромной привокзальной комнате матери и ребенка. “Мама, мама, смотри! Больной дядя лежит, надо ему помочь!” — зовут мои сестры, впервые увидев лежащего на земле пьяного. В магазине — ничего для нас и родителей и широкий ассортимент товаров для дяди с перрона. Еще одно открытие — табличка, сообщающая о наличии в человеческом сознании понятия “банный день” — мужской и женский.

Первое, что я спросил на станции: “Можно ли купить “Пионерскую правду”?”

Семья Лёли тоже уехала, но по линии освоения целинных земель, и оказалась в совхозе “Бурлык” в Оренбургской области (потом они переехали в Оренбург). А мы обосновались сначала в Чимкенте, потому что для въезда в СССР нужно было приглашение, и нас “выписала” знакомая, которая раньше перебралась туда из Шанхая к дочери.

Каким я запомнил Чимкент: пыль по колено летом и грязь по колено зимой. Бабушка вечно мыла наши галоши. Зато ле-

том на улице продавали газированную воду, восемь сиропов в стеклянных конусах — счастье неописуемое! Дочь пригласившей нас женщины, Надежда Евдошенко, оказалась примадонной местной оперетты, а муж ее — Марк Израилевич Маркбен — был там главным режиссером.

В одном здании размещались две труппы: оперетта и казахский театр. Мы жили во дворе театра. Когда мы приехали, опереттой "Морской узел" как раз открывался сезон. Помню этот спектакль, будто вчера смотрел, и до сих пор помню слова:

> В парке старинном деревья шумят листвой.
> Белое платье мелькнуло во тьме ночной.

В Шанхае-то театра настоящего не было, только самодеятельность и концерты в Советском клубе, а тут — настоящий театр! И пусть небольшой, но оркестр. Главным дирижером в Чимкентской опереттe была замечательная женщина. Не помню, увы, как ее звали, — такая маленькая, пухленькая. Давали "Трембиту" — про жизнь гуцульского села при советской власти. Там должна скрипка солировать, а скрипач пьян. Она вырвала у него из рук скрипку и треснула горе-музыканта ею по голове прямо во время спектакля.

Зал переполнен, а для детей вынесли красивые кресла из кабинета директора и поставили перед первым рядом партера, так что все зрители интересовались, ради каких таких дорогих гостей организован почетный ряд. А мы с сестрами смотрели на сцену, которую никто нам не загораживал.

Я не увлекся бы так театром, если бы они были плохи, те спектакли. Мама считала, что мне рано на них ходить, но я все равно смотрел. Маркбен, когда я в седьмом классе учился, удивлялся, что я в таком возрасте высидел всю репетицию оперетты Соловьева-Седого "Самое заветное".

По много раз я смотрел "Марицу", "Трембиту", "Сильву", "Свадьбу в Малиновке". Это же дивный жанр, празднич-

ный! Относительно недавно зашел в Московский театр оперетты, а там все в микрофоны поют. И еще переложили “Веселую вдову” на джазовую музыку. Я удивился, обиделся даже. Пусть делают что хотят и как хотят… Но прежде было лучше — проще и бесхитростнее.

Мама и папа часто уезжали, выбирали, где будем жить (то ли в Одессе, то ли в Москве, то ли под Москвой), а мы оставались дома с бабушкой и слушали по радио вечерами все спектакли подряд (это важно — что и мне, и бабушке было интересно). Как сейчас помню запись “Перед заходом солнца” вахтанговского театра с Астанговым в главной роли.

В Китае отец был владельцем завода. В России работал на заводе инженером. Мама, которая в Шанхае не работала, здесь занялась техническими переводами.

Родители купили половину дома в Пушкине с отдельным входом и садом и старались организовать жизнь так, как в Шанхае. Там был абсолютный достаток — три автомобиля, особняк и слуги, а здесь мама с бабушкой все делали своими руками. Каждую неделю устраивали генеральную уборку с обязательным натиранием полов мастикой. И сад возделывали сами. Папа очень хорошо разбирался во всякой технике.

И получился у нас потрясающий дом. Жизнь с елками, детскими праздниками и обязательной Пасхой. Из Шанхая мы привезли формы для куличей и пасхи с надписью “ХВ” с обеих сторон. В четверг красили яйца луковой шелухой, потом бабушка ставила тесто на куличи. Готовили сырную, вареную и шоколадную пасхи (до сих пор делаем все, кроме шоколадной, мы не выучились вовремя у мамы с бабушкой, а рецепта нет).

Стали к нам в гости приходить ребята-одноклассники. Вечно собирались огромные застолья, по вечерам — концерты, спектакли. Повторю, что родители никогда ни на что не жаловались: ну, трудности и трудности. Ни разу ни одного стенания. А ведь условия изменились резко. Приходилось

продавать вещи из тех, что с собой привезли. Но они жизнь принимали такой, как есть. С нами, детьми своими, переживаниями не делились.

Школьная учительница английского языка Алла Сергеевна Видусова любила нас с Вовкой Сидельниковым (он потом окончил хоровое отделение консерватории и факультет музыкальной режиссуры ГИТИСа, мастерскую Бориса Александровича Покровского). Покупала нам абонементы в консерваторию и сама возила из Пушкина слушать потрясающего ленинградского пианиста Серебрякова или оркестр Мравинского.

В восьмом классе, в первый же раз, когда сам отправился в Москву, я бродил по городу, попал в Собиновский переулок и, вернувшись домой, заявил родителям, что "нашел свой институт". Это был ГИТИС. Родители не возражали.

Если я задерживался в Москве, шел на Центральный телеграф, заказывал разговор с мамой по телефону и объяснял, почему вернусь поздно.

В том же восьмом классе мне сильно повезло: я увидел Уланову–Жизель. А в фойе перед спектаклем — Завадского. Когда я потом ставил в Кирове "Ревизора", то думал, что Хлестаков не соврал — он тоже мог рассматривать Пушкина, спрятавшись за колонной Мариинского театра, как я рассматривал Завадского.

Во МХАТе я видел "Марию Стюарт", в которой Ангелина Степанова играла Елизавету, и "Плоды просвещения" Кедрова. В них были заняты Фаина Шевченко, Василий Топорков, Владимир Готовцев играл лакея. Помню, как в пятом акте шел по огромной лестнице сверху вниз Анатолий Кторов.

Еще очень нравился Театр имени Маяковского, Я все там смотрел у Николая Охлопкова: и "Аристократов", и "Гостиницу "Астория"… Прекрасная была "Иркутская история". В Театре имени Вахтангова — "Живой труп" Рубена Нико-

лаевича Симонова, в котором Машу играла студентка третьего курса Людмила Максакова, а Протасова — Николай Гриценко, произвел большое впечатление.

В десятом классе мы с мамой пошли в Малый театр на спектакль Бориса Равенских "Власть тьмы" с Игорем Ильинским. Оказалось, что между Ильинским-клоуном и Ильинским-Акимом нет зазора.

В "Сильве" Театра оперетты (он располагался там, где теперь Сатира) играла Мирдза Озолиня. Она говорила с акцентом, а во втором акте необыкновенно эффектно сбрасывала манто на пол. Просто вышла, сбросила манто и — гром аплодисментов.

Потом, когда я уже оканчивал школу, в Москву на гастроли впервые приехала труппа Стреллера, и Марчелло Моретти играл Арлекина в "Слуге двух господ" на сцене Малого театра. Какие акробатические чудеса он творил с пудингом на подносе! Какая летящая пластика! Как снимал маску на поклонах: какое умное, обаятельное лицо было под ней. Он рано умер, потом другой актер (Феруччо Солери) играл Арлекина, тоже прекрасно, но Моретти стоит перед глазами.

Однажды поехали мы с двумя приятелями в Одессу отдыхать. А там — гастроли Аркадия Райкина. Мы явились в филармонию за билетами задолго до начала продаж, но там уже шла запись в огромную очередь. Мы решили присоединиться к тем, кто вел запись. В итоге я — скромный интеллигентный мальчик — оказался главой очереди, то есть стоял на приступочке и производил перекличку по списку. Я не жульничал, но стал важной персоной, у которой люди отпрашивались на день, если не могли прийти.

Стоя сверху, я призывал толпу: "Товарищи, нас слишком много, давайте разделимся на сотни и найдем десять честных людей…" Хохот стоял по всей Одессе — сомневался народ, найдется ли десять честных. Но меня в первый день продажи честно пропустили вперед, чтобы я купил себе билеты.

Школу я как-то окончил, хотя в восьмом классе много болел (наверное, из-за того, что климат в России другой) и пропускал занятия. Физика — совсем никуда. На экзамене написал на доске решение задачи, а молодая учительница, которая заменяла нашу Эсфирь Моисеевну, подошла и тихо посоветовала: “Немедленно сотрите”. Зато по математике занимался дополнительно с потрясающей учительницей, благодаря которой полюбил алгебру, хотя для режиссера, наверное, полезнее разбираться в геометрии.